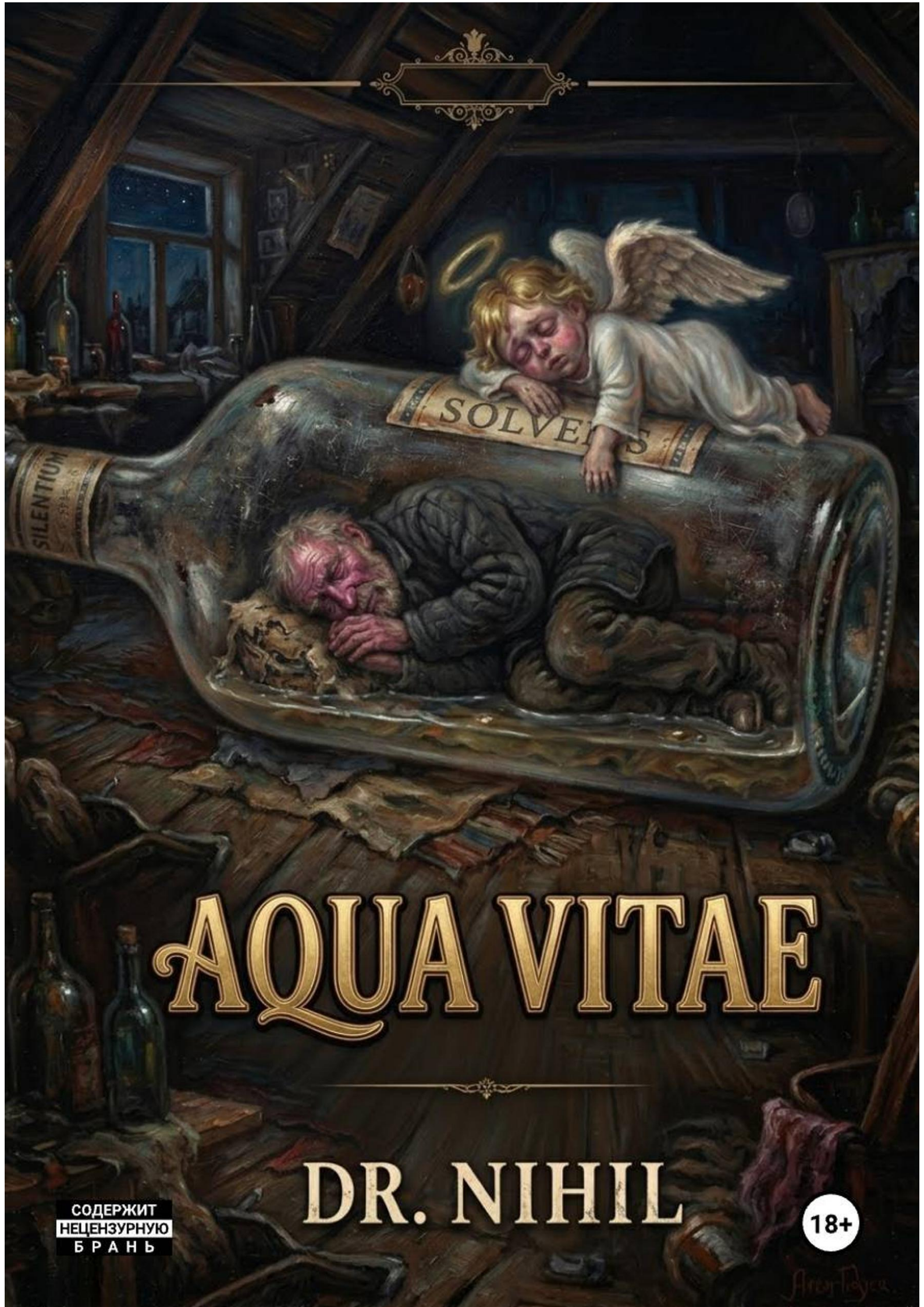

AQUA VITAE

DR. NIHIL

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Andrey

Dr. Nihil

Aqua Vitae

«АВТОР»

2026

Dr. Nihil

Aqua Vitae / Dr. Nihil — «Автор», 2026

Бутылка популярного алкогольного напитка, наделённая сознанием - актер своей причинности или субмиссивная жертва панпсихизма? По мере исполнения бутылкой своего предназначения, вопросов становится всё больше, а ответы не так просты...

© Dr. Nihil, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Dr. Nihil

Aqua Vitae

Глава

(Фантазийная быль)

Утверждение, что сознание — это эксклюзивная привилегия высокоорганизованной материи вроде млекопитающих или, в крайнем случае, некоторых рептилий, всегда отдавало излишним человеческим тщеславием. Официальная наука веками твердила: только высшая нервная деятельность, упакованная в плотный костяно-тканевой мешок и снабженная мускульным, дробяще-рвуще-глотательным аппаратом, является истинным субстратом разума. Остальной же мир огульно объявлялся неодушевленным.

В противовес этому панпсихисты и искатели тайных смыслов исписывали тонны бумаги, извиваясь и изворачиваясь до того, что приписывали особый род сознания каждому расползшемуся электрону. По их мнению, вся материя вокруг нас буквально пульсировала разумом. Могло быть и так, а могло и эдак.

Истина же, как это обычно и бывает, устроилась примерно посередине.

Сознания в природе, действительно, разлито великое множество. Другое дело, что субъектности — то есть роскоши не просто мыслить, но иметь собственную активную жизненную позицию и активно реализовывать её в окружающей среде — критически не хватает. Обладатели костяных черепов и развитых мышц могли диктовать миру свою волю. Прочим же сознательным монадам, по Лейбницу, оставалось лишь довольствоваться сугубо пассивной ролью наблюдателей и соучастников чужого бытия.

Именно таким субносителем чистого, но абсолютно скованного разума и была особая форма материи — полулитровая бутылка сорокоградусной водки «Тихая грусть» Барнаульского ликеро-водочного завода (БЛВЗ).

Она покоилась на нижней полке гастронома, созерцая мир сквозь безупречный зеленоватый скафандр своего стеклянного тела. Внутри неё, строго по ГОСТу, плескался кристально чистый сорокаградусный спиртовой раствор, обреченный на вечное молчание. У неё не было ни рта, чтобы закричать, ни рук, чтобы оттолкнуть грубые пальцы грузчика, оставившего грязный след прямо на печатном слове «Тихая». Всё, что ей позволялось — это пассивно отражать и преломлять в своей жидкой глубине серую ноябрьскую реальность.

Что и говорить: мир есть движение материи и информации. Бутылке водки было грех жаловаться на недостаток того либо другого. Яркая палитра внешних событий прошла через её генезис: от отливки расплавленной стекольной массы до бутылочного флакона, от перевозки на завод и отмывки до заполнения спиртосодержащей жидкостью, от укупоривания до этикетирования, от упаковки в ящики до доставки в магазин.

Человеческий гений, воплощённый в целом мире аппаратов, машин и программной логики, был придуман и действовал ради её создания и существования. Целая экосистема, в которой люди, машины, механизмы, огромные здания и сложные инженерные системы слаженно функционировали, была создана во имя неё. Всё это колоссальное движение, весь этот планетарный триумф технологии сходилась в одной-единственной точке — в её стеклянном теле. Было о чём задуматься в долгие моменты тишины, при бесконечном стоянии в слепой темноте складов и подсобных помещений.

Изучая письма на своем тулове, бутылка исходила загадками. А было их и в самом деле немало.

Например, она догадывалась, что её каким-то образом применяют в качестве... пищи. Да-да, у неё была пищевая ценность! Целых 225 ккал на 100 граммов. А на всю бутылку — 1125 килокалорий! О том, что это не так уж и мало, бутылка прознала от стоявшего рядом рыжего лимонада, который, будучи по сути обычным сахарным сиропом, все же никак не мог её превзойти.

Другое дело, что «Тихая грусть» сильно сомневалась в том, что её содержимое вообще годится в пищу. «У меня внутри никакой живности нет и не может быть, — думала она, — даже плесени. Это же спирт! К тому же дурновато очищенный, на четверть бодяженный гидролизным ректификатом. Да и вода к чему здесь — ведь в ней калорий ноль. Непонятно». Пассивная монада Барнаульского ЛВЗ упиралась в глухой тупик углеводно-белковой логики, не в силах постичь, как столь агрессивная и стерильная среда может нести в себе такой мощный энергетический заряд для прожорливых млекопитающих.

Предупреждение «Алкоголь противопоказан детям и подросткам до 18 лет, беременным и кормящим женщинам, лицам с заболеваниями центральной нервной системы, почек, печени и других органов пищеварения» тоже вызывало сплошные вопросы. Если этот самый спирт настолько опасен и бьет практически по всем жизненно важным системам млекопитающих, то зачем его вообще использовать, особенно внутрь? Логика подсказывала, что яд нужно уничтожить или изолировать, а не тиражировать миллионными единицами продукции на автоматизированных линиях.

На то, что она может быть использована как лекарство, «Тихая грусть» тоже не рассчитывала. Огромные бадьи с чистейшим фармакопейным спиртом, стоящие поодаль на заводе, были предназначены точно не в пищу. Там, вокруг медицинских емкостей, суеился народ совсем другого плана, да и атмосфера там была совершенно иная — деловитая, строгая, по регламенту, лишенная той странной, щемящей меланхолии, что окутывала конвейер ЛВЗ. Там всё было другое. Её же предназначение явно крылось в чём-то ином, не поддающемся сухой биологической целесообразности.

Особенно занимала её собственная нозология. Почему именно «Тихая грусть»? Зачем называть так обыкновенную, среди сотен точно таких же, ёмкость с водкой? Назвали бы просто, мол, водка обыкновенная сорокаградусная, номер такой-то.

О том, что человеческие демиурги — мастера придумывать всякие шифры и загадки, водка убедилась, пытаясь разобрать хитрые каракули на своём теле: бесконечные ГОСТы, строгие знаки сертификации, монотонные полосы штрихкодов и переливчатые, почти сакральные узоры акцизной марки. Всё это было манифестом чужой субъектности, облекшей её в плотный кокон смыслов, назначение которых пассивной монаде оставалось только угадывать.

Но имя... Имя стояло особняком. В нём не было сухой программной логики машин или точности ГОСТа. В нём крылось какое-то странное, чисто человеческое состояние, которое ей, стеклянной и холодной, ещё только предстояло соотнести с реальностью.

Тем не менее, "Тихая Грусть" особенно не расстраивалась по поводу загадок своего генезиса, онтологии и деонтологии. Ей был присущ — как и почти всем «неодушевлённым» сознаниям — тот здоровый панфатализм и самоуспокоенность, которые помогают день грядущий прожить без внутренних терзаний, а о завтрашнем и вовсе не загадывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.